

«Здесь покоятся двое...»

Возвращение к истории пермского памятника-змеи

Владимир Гладышев

У стен кладбищенской церкви лежало вросшее в землю странное надгробие — изображение змеи, кусающей себя за хвост. А в змеином чугунном кольце угадывался страшный немигающий взгляд черепа. То была маска смерти, созданная с помощью простых прорезей в металле.

— Я знаю, что здесь произошло, это очень страшная и нехорошая история, — сказала мне женщина, заметившая мой интерес. — Не знаю даже, нужно ли рассказывать, а вдруг я согрешу этим, в церкви меня не одобряют...

Потом всё же решилась: — Ну, в общем, если в двух словах, это история кровосмешения. Случайно, невольного, понимаете? Такое бывает: люди грешат и не знают, что грешат. Здесь покоятся двое: муж с женой, брат с сестрой, отец с дочерью... Всего в двух лицах, понимаете?

Я не понимал, хоть убейте меня! Не мог представить себе, не хватало изощрённости или извращённости ума, что ли... Потом и другая старожилка поведала мне нечто похожее. Рассказывала как по писаному! Кстати, сама призналась, что читала об этом в каком-то романе. Она пересказала содержание книжки в списках (от руки переписанной) под названием «Тайна одной могилы». И так всё врезалось ей в память, что помнила интригу спустя десятки лет...

Это удивительно, но к давним слухам и легендам вокруг памятника интерес не угасает, а всё нарастает. И слухи по принципу «глухих телефонов» растут как снежный ком! Появившиеся в эфире теле- и радиопередачи лишь подлили масла в огонь.

Странно, но журналистов не спасло и обращение за консультацией к историку. Неточностей только прибавилось.

В частности, заговорив о «мистическом раздвоении» памятника-змеи, авторы передач сообщали, что памятник сначала лежал «в центральной аллее на паперти» (не было этого), что чугунный дубликат памятника после перестройки был отлит на «Мотовилихинских заводах» (на самом деле — на Пермском мотовозоремонтном заводе) и тому подобное.

«Не повезло» и Успенскому храму. Оказалось, каменное здание храма построили не на месте прежнего деревянного, а сместили в сторону. На самом деле он был возведён архитектором Александром Ожеговым на месте прежней церкви, таково было условие — во круг захоронения почётных пермяков, нельзя тревожить прах предков. Тут уж, как говорится, «шаг в сторону — расстрел». Сохранились и фотографии двух состояний храмов — до и после.

Не скрою, я сообщил коллегам о неточностях, сославшись на документы. Передачу на радио в течение прошедшего лета повторили ещё не раз. Многие, как и я, удивлялись ошибочным комментариям и нагромождению мистики. Не пора ли сменить пластинку?

«Я должна узнать о ней!»

Самые неправдоподобные слухи очень живучи, в чём я убедился ещё раз. Во время одной из прямых

линий с читателями, проходившей на областном радио, слушательница спросила меня: «Правда ли, что под памятником-змеей похоронена дочь губернатора, которая любила разбойника Лбова?» В этом вопросе слышался отзвук некогда популярной повести Аркадия Гайдара «Жизнь ни во что». Кстати, писательскую фантазию ещё могло «дополнять» воображение художника: рассказ «Проклятая дочь», впервые опубликованный в газете «Звезда», был проиллюстрирован рисунком чугунной маски черепа. Видимо, автору показалось мало провала глаз и змеиного кольца, он пририсовал ещё оскал, ощерившийся клыками (на самом деле вместо рта просто прорезь, как на обычной маске).

Тайна надгробия завораживала, её разгадку предлагали разные литераторы. Михаил Осоргин не раз возвращался к змее в своей мемуарной прозе, из современников — Авенир Крашенинников (роман «Горюч камень»), Леонид Юзефович (повесть «Клуб «Эсперо»), Юрий Липатников (эссе «Памятник-гнев?»)...

«Я должна узнать о ней!» — загорелась любопытством героиня романа Авенира Крашенинникова, услышав о памятнике-змее. Вот и многие пермяки теперь стремятся найти хоть какие-то подробности этой истории.

Посетители кладбища рассказывали разные версии, одна хлеще другой. Постепенно в моей коллекции начали подбираться некие повторяющиеся детали. Чаще всего рассказывали женщины, причём весьма детально и правдоподобно. Бульварный роман «Тайна одной могилы» был очень популярен 100 лет назад. Зачитанный до дыр машинописный экземпляр этого произведения поступил в областную краеведческий музей. Бойкий беллетрист «наворотил» ещё больше, чем обывательская фантазия. Прочитав эту пухлую книжицу, я понял, откуда «растут ноги» невероятных легенд и выдумок.

Автор этого «безыдейного» сочинения (определение из газетной рецензии периода 1920-х годов), пожелавший остаться неизвестным, напрямую говорит, что действие происходит в Перми. Но далее — всё плод его воображения, не очень здорового, прямо скажем. Надпись к чугунной змее он придумал ужасную: «Здесь покоятся двое: муж с женой, брат с сестрой, отец с дочерью».

Автор нескольких книг по истории края Сергей Торопов также занимался этой реликвией. Незадолго до своей кончины он написал, что кроме легенд у него нет объяснений происхождения загадочного надгробия. Один из самых авторитетных пермских краеведов выразил надежду, что к будущим исследователям придёт удача, они найдут разгадку. Краевед умер, а через несколько лет исчез с «родного» места и загадочный памятник.

Змее и другие чугунные памятники увезли в краеведческий музей в 1968 году. Поспешность таких решительных действий краеведов можно было объяснить одним: именно в те годы городские власти вознамерились

уничтожить старинное кладбище... Народ пермский начал возмущаться: зачем увезли? Чудны дела твои, Господи! Оказывается, некая необъяснённая, легенда, тайна, пусть и страшная, должна присутствовать в жизни. Для чего? А чтоб была — и всё...

«Здесь лежит проклятая своим отцом дочь», — говорили одни. Другая версия гласила, что в могиле покоится непослушная дочь, умершая «с младенцем во чреве», а проклятие звучало так: «Пусть же змея подавится своим грехом!» Короче, шекспировские страсти в богом забытой Перми. Третьи вторили, что здесь была предана земле проклятая дочь полячка. Видимо, дошёл слух о том, что похоронен здесь кто-то из французов-католиков, а надгробие якобы положили специально на тропу, чтобы прихожане, шедшие в церковь, топтали могилку. А одна юная поэтесса писала: «Мне бабушка рассказывала про девушку, что она вышла замуж не за того, ну, короче, отец её не благословил на брак, а она оглушалась. Вот папаша и проклял её, сказав: «Твоя душа не выйдет из тела!»

А если без вымысла?

Документальными источниками ряд легендарных деталей не подтверждается. На плите сохранилась надпись: «ДЕВЕЛЛИЙ Таисия, 6 лет 11 месяцев, дочь пермского исправника, ум. в 1807 г.».

Говорили, например, что мать девчушки, тоже Таисия, умерла при родах. На самом деле старшая Таисия умерла в 1835 году в возрасте 54 лет. Глава семейства, пермский земской исправник, а в прошлом стряпчий, коллежский асессор Александр Иванович Девеллий, скончался на три года позже жены, дожив до 76 лет («Пермский некрополь», В. В. Голубцов).

О пермском Девеллии с уважением пишут некоторые его современники, один из них — Александр Герцен (повесть «Кто виноват?»): «...Сильнейшая голова в городе был, бесспорно, председатель уголовной палаты; он решал окончательно, безапелляционно все вопросы, занимавшие общество, к нему ездили совещаться о семейных делах; он был очень учёный, литератор и философ. У него был только один соперник — инспектор врачебной управы Крупов...»

Семейство обрусевшего француза пустило корни на пермской земле. Местный краевед В. П. Дылдин нашёл по архивным документам, метрическим книгам упоминания о представителях этой фамилии вплоть до XX века, следы их теряются после Гражданской войны.

Высказывалось предположение, что исправник был масоном, отсюда, как пишет Михаил Осоргин (роман «Времена»), в надгробии символы змеи и черепа. Вот только звезды, о которой пишет наш знаменитый земляк, на памятнике нет! Значит, писатель это уже вы-

думал в своём далёком зарубежье.

...Летом 2004 года памятник был возвращён на прежнее место. Помогли в этом деле краеведам воспоминания старожилов, музейная фотография и сотрудники Пермского мотовозоремонтного завода.

По следам Девеллия

Историк Павел Корчагин, также заинтригованный необычным памятником, выдвинул такую версию создания памятника в виде змеи. Поскольку предком Девеллия был известный художник, работавший в России и создавший ряд портретов вельмож, может, и появился образ такого надгробия?

Красивая версия, но... Подобный памятник встречался в разных местах, странах ещё до Девеллия. Кстати, он выполнял заказы не только русских аристократов, написал портрет императрицы.

При желании можно увидеть в запасниках Эрмитажа и автопортрет самого Жана де Велье. И тогда мы будем иметь представление о портретных чертах представителей пермско-французского семейства. Появится ещё один исторический источник, способный развеять сгустившийся в последнее время мифо-мистический туман вокруг чугунного памятника-змее.

Чугун — материал уральский. Ничего удивительного нет в том, что в чугуне отливали художественные образы. Что касается «головы Адама» (черепа), он нередко встречается на Египетском кладбище, в том числе и в десятке метров от той же Успенской церкви. Подобное сочетание символов в мемориальной пластике не редкость для того времени, в которое жили первые представители русской ветви Девеллиев. В качестве примера можно привести надгробие Пуколовых (первая четверть XIX века), сохранившееся в Александровской лавре Санкт-Петербурга. Помимо кольца змеи там изображены два смеющихся (!) черепа. Есть и эпитафия: «Прохожий, ты идёшь, но ляжешь так, как я. Я дома, ты в гостях, подумай о себе».

Кстати, в начале нулевых старинное пермское кладбище посетил итальянский наследник знаменитых русских художников братьев Сведомских. Один из их предков, Михаил Сведомский, похоронен возле Успенской церкви, в десятке метров от надгробия со змеей. Заинтересовавшись этим необычным памятником, синьор Ребекки вдруг переспросил меня:

— Какая фамилия была у бедной девочки? — Девеллий, другой вариант написания по-русски — де Велье.

— О! У меня в коллекции, перешедшей от Сведомских, есть одна работа, написанная художником де Велье, работавшим в России. Чудный женский портрет нью...

Публикуется с сокращениями

Монахини у памятника-змеи